

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ
ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ СУФИЙСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
XIX ВЕКА

Автор мақаласында XIX ғ. поэтикалық шығармалар тілінде етістіктің грамматикалық формасы ретінде қышпақ тілі мен оғыз тілдері грамматикалық элементтерінің сәйкес келуінің варианттылық түрінде қолданылуын қарастырады.

Yazar XIX asnn poetik eserlerindeki fiillerin gramatik şekli olarak kıpçak ve oğuz dillerinin gramatik özelliklerini mukayeseli olarak değerlendirmiştir.

Язык суфийских произведений XIX века основывается на письменных традициях литературного языка, который подвергся сильному влиянию старокнижных литературных традиций и является их продолжением. В нем прослеживается стилистическая вариативность кипчакских и огузских элементов, взаимодействие которых становится основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы. Схожую тенденцию наблюдает И.Б.Баширова и в дальнейшем развитии татарского языка – в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века, где своеобразно соприкасаются многовековые письменно-традиционные нормы классического старотатарского языка и общеупотребительные разговорные формы [1, 62]. В этом отношении несомненный интерес представляет и поэтическое наследие татарских суфийских авторов XIX века. Язык суфийской поэзии данного периода отличается необычайной образностью и экспрессивностью, разнообразием грамматических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. Возьмем, к примеру, стилистическую вариативность грамматических форм глагола.

В поэтических произведениях XIX века татарский глагол характеризуется теми же категориями, которые присущи и для других тюркских языков: *категория наклонения, времени, лица, числа и отрицания*.

Парадигматическое и синтагматические значения *категории лица* выражаются в произведениях при помощи двух групп показателей лица: показателями, общими для татарского литературного языка, а также грамматическими средствами, присущими для огузских и кипчакских языков.

Лицо	Аффиксы первой группы		Аффиксы второй группы	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
I	-m; -mân / -myn / -men	-myz / -mez	-m; -ym / -em	-q / -k
II	-sân	-syz / -sez	-η; -yη / -eη	-ηyz / -ηez
III	---	-lar / -lär, -syn / -sen	---	-dyr / -der, -lar / -lär

Категория отрицания выражает отсутствие или наличие действия, процесса в семантике формы глагола. Значение отрицания передается формами, образованными при помощи аффикса *-та / -тă* и его вариантов *-туј / -ті*; *-тас / -тăс*. Например: *yalām eçgā ähle xäjrä kürmädem monça xosud* [2, 110] «не видел в мире я столько хороших людей», *zail ulmaz küñlemeñ bimaräse* [2, 87] «моя душа болеть не перестанет».

В языке поэтических произведений представлены следующие формы **категории наклонения**: *изъявительное, условное, желательное и повелительное*.

Форма настоящего времени глагола *изъявительного наклонения* в большинстве случаев представлена формами на *-а / -ă*; *-j*, к которым присоединяются личные аффиксы: *kiçäm ber däm bu julnuñ çilene wä taуunu* [2, 93] «в одно мгновение пройду пустыню и степи по этой дороге».

Прошедшее время индикатива в языке поэтических произведений исследуемого периода представлено целым рядом форм, которые в структурном плане разделяются на синтетические и аналитические формы. К синтетическим относятся формы на *-dy*, *-γap*, *-туş*, а к аналитическим – конструкции, образованные сочетанием причастия на *-туş* с вспомогательными глаголами *ide* и *dorur*.

Прошедшее категорическое время на *-dy*, *-de* спрягается посредством аффиксов II группы, т.е. присоединением аффиксов в усеченном варианте: *kändü dästem berlä räqam itdem yäzäl* [2, 124] «своей рукой я написал газель». Прошедшее результативное время на *-ap / -ăp*, употребляется лишь для обозначения III лица единственного числа: *bu tabiyät yäläme eçgā cäsäde pärgwar ulan* [2, 119] «в этом мире природы возникло крепкое тело». Прошедшее результативное на *-туş / -теş* является огузским вариантом прошедшего результативного времени. I лицо единственного числа может оформляться при помощи аффикса *-ut / -et* (усеченный вариант) и личного аффикса I группы *-туп / -теп*: *qasd idärem sanuma, çön susamuşтуп qanuma* [3, 414] «оскверню свою душу, ибо жажду своей крови», *şul jaña kitdem ki, andin kilmešem, zira qandin kildekemne belmešem* [2, 107] «пошел я в ту сторону, (значит) оттуда иду, потому что знаю, откуда иду».

В языке поэтических произведений XIX века III лицо может употребляться без личных аффиксов или же оформляться при помощи специального аффикса *-dut*, этимологически восходящего к вспомогательному глаголу *torur* «стоять», «быть», «находиться»: *säñä haq wirmeş cähanda abruj* [2, 124] «бог наградил тебя авторитетом в мире», *fikrineñ däjasiya möstäyraq ulmuşdур küñel* [3, 414] «в пучине разума душа погибла».

Прошедшее время на *-туş dorur / -теş dorur* является аналитической формой прошедшего результативного времени: *oşbu puru şul keşe tarмуş*

dorur, haqdan üzgädän küzen jarımyş dorur [2, 82] «*вот этот луч коснется того человека, который не будет признавать никого, кроме бога*». Преждепрошедшее время на *-ımyş / -meş ide* спрягается при помощи личных аффиксов II группы. Основным значением данной формы является выражение прошедшего времени, которое предшествовало другому прошедшему времени: ul säbäbdän hatirem synımyş ide, küñlemeñ ainäse tonımyş ide [2, 132] «*поэтому память моя ослабла, зеркало моей души потускнело*».

Будущее время на -ут спрягается, принимая личные аффиксы I группы: nitä künel wıretem bu dönjağa [2, 122] «*всею душой полюблю я этот мир*». Кроме того, в I лице единственного числа может употребляться полный аффикс *-ıup / -ıup:* соға, соға қап есәрмен бән һәмін [2, 127] «*выпью я кровь всегда глотками*». Схожую ситуацию наблюдает Ш.Шукуров: полный и усеченный варианты аффиксов I лица будущего времени параллельно употреблялись и в языке тюркских письменных памятников [4, 67-70].

Повелительное наклонение представлено вторым и третьим лицами единственного и множественного числа. В большинстве случаев основой повелительного наклонения является II лицо единственного числа, и она не имеет специальных морфологических показателей: anlaryñ afätedin saqla bane [2, 134] «*оберегай меня от их несчастий*». II лицо единственного числа также образуется при помощи специального аффикса *-ıul / -geñ:* iququly jirlärdä, şahım, дәstgır ulıul bänä [2, 91] «*в опасных местах руководи, мой шах, ты мною*». Показатель повелительного наклонения *-ıup / -gip* характерен и для древнеуйгурского языка. Как известно, в тюркских языках форма II лица единственного числа повелительного наклонения обычно не имеет особого показателя. Однако в древнеуйгурском языке [5, 68], а из современных тюркских языков в узбекском [6, 206] II лицо единственного числа повелительного наклонения может быть образовано с помощью особых аффиксов *-ıul / -gıl, -ıup / -gip*.

В языке исследуемых нами поэтических произведений для выражения II лица множественного числа повелительного наклонения употребляется три показателя. В большинстве случаев форма повелительного наклонения данного лица и числа имеет показатель *-(y)ñ / -(e)ñ* и *-(y)ñyz / -(e)ñez:* üget wıreñ bänä, i xäl belänlär [2, 90] «*дайте мне совет, о, вы, пришедшие о здоровье моем узнать*», bänä ülem ilä tähdid itmäñez [2, 127] «*не пугайте меня смертью*». II лицо множественного числа в языке поэтических произведений Ш.Заки также образуется, как и в современном татарском литературном языке, при помощи аффикса *-(y)ñyz / -(e)gez:* qujas äjlägez imde: bu keşedä wırmıñın? [2, 111] «*сравните: верующий ли этот человек?*».

В языке поэтических произведений наблюдаются многие формы **желательного наклонения**, которые в современном литературном татарском языке уже не употребляются. Для выражения желания и намерения говорящего совершить действие используется огузско-турецкая форма *-alım, -älem, -alım:* wıralım jıqlığa bu warlıyımın, bänä bu warlıyım äzğas xolımdır

[2, 96] «отдаю это своё богатство неимущим, для меня это богатство – мой бредовый сон». В настоящее время форма желательного наклонения на *-alym / -älem* встречается только в турецком языке [7, 52].

В изученных нами произведениях значение I лица оптатива передается также и аналитической конструкцией на *-γym kilür*, образованной от архаичного имени действия на *-γy* с помощью вспомогательного глагола *kel, kil: ul säbäbdän bändäi ähle safa bulγym kilür* [2, 127] «поэтому хочу стать зависимым человеком». В поэтических произведениях XIX века авторы удачно используют при стихосложении аналитическую форму на *-γym kilür*. Например, на основе данной конструкции построены произведения Шамсетдина Заки [2, 117-118].

III лицо единственного числа оформляется при помощи аффикса *-γaj / -gäj*. В отличие от литературного языка, древнетюркский показатель желательного наклонения *-γaj / -gäj* употребляется с глаголами как отрицательной, так и утвердительной формы: *jörgel bu jimeñ hädden al, pañāhan ul at säneñ astuñda bulγaj, bulmaγaj* [3, 416] «лошадь под тобой, путешествуй по свету, однажды эта лошадь под тобой будет, иль не будет».

Условное наклонение представлено общетюркской формой на *-sa / -sä: oşbu näfsem afätendän gär xälas äjläsän bane, üzgä qurqulardan aslan zinharym qalmady* [3, 415] «коль ты спасешь от суетных страстей, исчезнет страх, не будет просьб других». Грамматическое значение условия может выражаться также формами *-utsa / -ersä, -ursa / -arsa: qaju jirdä ojursam – ul ilemder, qaju jirdä šäh(ä)rä döşärsäm – ul ilemder* [2, 95] «где ни лягу спать, это дом мой, в каком городе ни останавливаюсь, это моя родина».

В языке исследуемых поэтических произведений представлены следующие формы **неличных глаголов: причастие, деепричастие, имя действия и инфинитив**.

Причастие является одной из наиболее сложных и оригинальных грамматических категорий в системе неличных глаголов. Для поэтических произведений характерны следующие причастия прошедшего времени на *-γan / -gän, -an / -än, -dyq / -dek, -mys / -meş*, а также причастия будущего времени на *-asy / -äse, -açaq, -yt / -er (-maz / -mäz)*.

Форма причастия на *-γan / -gän* является активно употребляемой и продуктивной формой. Причастие на *-γan / -gän* считается характерным показателем языков кипчакской группы. Вместе с тем в языке поэтических произведений XIX века, при выражении грамматического значения причастия прошедшего времени, активно употребляется и огузский вариант данного аффикса *-an / -än*.

Форма причастия на *-an* в своих грамматических показателях имеет несколько фонетических вариантов: а) к основам, оканчивающимся на согласный звук, присоединяются аффиксы *-an / -än: üget wireñ bāñ, i xäl belänlär* [2, 90] «дайте мне совет, о, вы пришедшие о здоровье моем узнать»;

б) основы с конечным гласным, имеют аффиксы *-jañ / -jän*: *bu mänzumny dijän uş ber fäqirder, fälän uşly fälän dib mäşhürder* [2, 122] «сказавший этот стих - один бедняк, известный как сын некоего человека».

Форма причастия на *-duq / -dek* является древнетюркской формой, характерна для огузской группы современных тюркских языков. Отличительной чертой формы на *-duq / -dek* от других причастных форм является то, что она при субстантивации употребляется только с аффиксами принадлежности: *wig, i saquj, sam(ε) mäynadan šärabi, zinhar, şul yaribä kem hämişä ükdeke sanan ikän* [2, 113] «о виночерший, дай, пожалуйста, от чашки смысла вино тому, кто всё время желает найти возлюбленную для этого инвалида». Как известно, форма *-duq / -dek* по синтаксическим функциям соответствует кипчакской форме на *-yan / -gän*.

Форма на *-tuş / -teş* характерная для огузской группы тюркских языков также имеет довольно широкое применение. Причастие на *-tuş / -teş* в атрибутивной функции обозначает признак, свойство предмета, лицо по действию в плане прошедшего времени: *ja ilähi, ber näzar qulyul bu ülmeş küñlemä* [2, 91] «о, Всевышний, взгляни в мою умирающую душу».

Причастие на *-asy / -äse* определяет предмет через действие, совершаемое в будущем. Действие, выражаемое данной формой, во всех случаях сопровождается модальным оттенком долженствования [8, 211]. В исследуемых поэтических произведениях, как и в современном татарском литературном языке, огузская форма на *-asy / -äse* обозначает процесс, соответствующий значению инфинитива на *-uğa* литературного языка: *izgelären ällären alub tuğu julda warasy* [3, 418] «идти прямой дорогой, держась за руки святых».

Огузская форма причастия на *-açaq* в языке исследуемых поэтических произведениях употребляется в довольно ограниченном количестве и встречается лишь в собственно-причастном значении: *şul bäqa jorđy dözät kem, waraçaq jireñder ul* [2, 106] «пючини вечный дом, куда должен ты идти». По мнению исследователей, такая форма встречается и в некоторых кипчакских языках [9, 77].

Причастие на *-ut / -er* (отрицательная форма – *-maz / -mäz*) в исследуемых произведениях встречается мало, только в собственно-причастном значении и в предложении является определением к словам, выражающим значения субъекта, объекта и места действия: *xäsrät bänem jjar aşum, – dişwar uldu bänem xalem* [2, 103] «моя пища приносит мне горе, – печальным стало мое состояние».

В языке поэтических произведений вместе с причастиями тюрко-татарского происхождения употребляются и причастия, заимствованные из арабского языка. В арабских грамматиках выделяют два вида причастий: причастие действительного залога, которое образуется от глагола действительного залога, и причастие страдательного залога, образующееся от глагола страдательного залога.

Большинство арабских причастий действительного залога в изученных произведениях встречаются в собственно причастном значении, т.е. выступают в атрибутивной функции. Они употребляются в основном в значении адъектива и служат определением к словам, выражающим значения субъекта или объекта действия: *fani* «ветхий, старый, негодный»: *gäg bu ʔasyj bändägä haqdan ʔujnajät bulmasa* [2, 94] «если этому грешному человеку не будет помощи от бога». Причастия страдательного залога употребляются в атрибутивной функции реже, чем причастия действительного залога.

По морфологической классификации, **деепричастные формы** изучаемых произведений, можно разделить на следующие группы: а) положительные формы, образованные при помощи аффиксов *-yb / -eb, -ubän / -übän, -jup / -jep, -ʔač*, б) отрицательные формы, образованные при помощи аффиксов *-majyb / -mäjeb, -majup / -mäjep, -majupča / -mäjepča*.

Деепричастие на *-ubän* выступает грамматическим синонимом формы на *-yb / -eb*. При помощи данной формы образуются деепричастия только от положительных основ: *igre jullagru qijubän tuʔu jula wagasy* [3, 418] «оставив другие пути, надо идти прямой дорогой».

Деепричастия на *-jup / -jep* и на *-ʔač* не активны. Форма на *-jup / -jep*, выступая в функции зависимого сказуемого, обозначает действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом, или протекает одновременно с ним: *sadyjč kätzbeŋ aŋlajyn kätzben beler* [2, 116] «правдивый, поняв твой обман, узнает и его обман». По мнению исследователей, деепричастия на *-jup / -jep* встречаются редко, главным образом в языках огузской группы [10, 128].

В языке исследуемых поэтических произведений из неличных форм глагола зафиксированы также **имена действия**, образующиеся с помощью аффиксов *-taq / -täk, -taqluq / -mäklek, -ta / -tä, -u / -ü, -ʔu / -ge*.

Огузская форма имени действия на *-taq / -täk* в большинстве случаев субстантивируется и употребляется с аффиксами принадлежности и падежа: *bu tormaquŋ soŋu – kitmäk doruŋ* [2, 82] «конец этой жизни – смерть». Форма на *-taq / -täk* является также основой для образования формы *-taqluq* и других форм: *safa wä niymätä irmäklek öčen, cäfä wä mixnätä düzmäk kiräkder* [2, 85] «ради достижения блаженства и благополучия, необходимо терпеть мучения и страдания». Имя действия на *-ta / -tä* встречается только в форме исходного падежа: *bu nafsem ʔaqujla ʔaleb kilmädän uŋ* [2, 85] «пусть тебе повезет от превосходства души над разумом». Форма на *-u / -ü* субстантивируется и выступает с аффиксами падежа: *bu fani ewläre wäjran qulubän, ad baquj jögüne tözmäk kiräkder* [2, 85] «разрушив эти ветхие дома, нужно построить вечное».

Имя действия на *-ʔu / -ge* в языке изучаемых поэтических произведений в чистом виде не употребляется. Оно входит в состав ряда конструкций. В модальных конструкциях форма на *-ʔu / -ge*, осложненная показателями принадлежности I лица, сочетается в основном с

вспомогательным глаголом *kilür*. Сочетание на *-гум kilür / -гум kilür* выражает непроизвольное желание субъекта совершить действие: *šärab xikmäte qanūm kilür* [2, 117] «*хочу узнать тайну вина*».

Наряду с тюркскими именами действия в языке исследуемых поэтических произведений широко употребляются и их заимствованные «эквиваленты» - *арабские имена действия*, или *масдары*.

Как отмечают исследователи, большинство арабских масдаров в татарском языке субстантивизируются под воздействием грамматических законов данного языка. Поэтому можно считать, что многие из них потеряли свои грамматические значения и выполняют функцию обыкновенных существительных [11, 17]. Кроме того, надо заметить, что часть имен действий субстантивирована в самом арабском языке, так как процесс субстантивации является ярко выраженной особенностью данной формы [12, 253]. В языке изучаемых поэтических произведений широко употребляются арабские масдары I (*wöcüd* [3, 414] «*бытие, существование*»), II (*tädbir* [2, 83] «*предусмотрительность*»), III (*xitab* [2, 82] «*обращение; речь*»), IV (*iman* [2, 81] «*вера, убеждение*»), VIII (*intizar* [3, 415] «*ожидание*»), X (*istişamät* [2, 124] «*честность*») породы.

Значение *инфинитива* реализуется в формах на *-таға / -täğä*, *-тақ / -mäk*, *-утға / -ergä*, *-асы / -äse*. Форма на *-таға / -täğä* является один из основных форм выражения значения инфинитива в языке поэтических произведений XIX века: *ul jaña wargmağa tuğu jul kiräk* [2, 107] «*чтобы идти туда нужно найти прямую дорогу*». По мнению Ф.М.Хисамовой, такая форма была активна в языке деловой письменности XVIII века [13, 90-91].

Форма на *-тақ / -mäk* в сочетании с модальным словом *kiräk* «нужно», «необходимо», «надо», «должен» выражает значение инфинитива: *täñge dustydyr ular, belmäk kiräk* [2, 125] «*нужно знать, что они являются друзьями Всевышнего*». Основным значением инфинитива на *-утға / -ergä* является выражение цели действия: *gizanyz wargmu jänä quлуға ғаqd šäryder mijanä* [2, 121] «*согласны ли вы вступить снова в брак*». Форма на *-асы / -äse* обозначает процесс, соответствующий значению инфинитива на *-утға* литературного языка: *oşbu dijüneñ afätendän cisem, can qortarasy* [3, 417] «*надо спасти тело и душу от нападения этого демона*».

Таким образом, изучение стилистической вариативности грамматических форм глагола в суфийских произведениях XIX века показывает, что для них свойственно сочетание грамматических элементов кипчакских языков с огузскими. Арабские грамматические формы встречаются лишь в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтаксическим функциям близки к именам. Такой языковой неоднородности поэтических произведений данного периода способствовала действовавшая письменно-литературная традиция, на которую осознанно и целенаправленно ориентировались поэты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баширова И.Б.* Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: Автореф. дис.: д-ра филолог. наук. – Казань, 2000. – 67 с.
2. Шәмсетдин Зәки шигырьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими. – Башкортстан Фәннәр академиясенәң Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, ф.3, т.63, б.47, б.178.
3. *Фәхретдинов Р.* Асарь. 13 жөзья. 2 жилд. – Оренбург, 1907. – 422 б.
4. *Шукуров Ш.* История развития глагольных форм узбекского языка (настоящее и будущее времена). – Ташкент: Изд-во «Фан», 1966. – 138 с.
5. *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.
6. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
7. *Дмитриев Н.К.* Турецкий язык. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 95 с.
8. *Тумашева Д.Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан: КДУ нәшр., 1964. – 300 б.
9. *Юсупов Ф.Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 317 с.
10. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.
11. *Махмутов М.И.* Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: Автореф. дис.: канд. филолог. наук. – Казань, 1966. – 20 с.
12. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 594 с.
13. *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренәң тел үзенчәлекләре. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 161 б.

REZUME

YUSUPOV A. (Kazan)

STYLISTIC VARIABILITY OF GRAMMATICAL VERB FORMS IN THE LANGUAGE OF SUFI WORKS OF 19TH CENTURY

The variability usage of the verb's grammatical forms – the combination of grammatical elements of kipchak and oguz languages takes place in the language of poetic literary works of XIX century. At the same time we can also see the Arabian grammatical forms in some verb inclinations. A similar stylistic variability was the tradition of the poetic version of written literary language.

Keywords: variability, language, language history, a verb, an inclination, impersonal forms of a verb, the grammatical form.